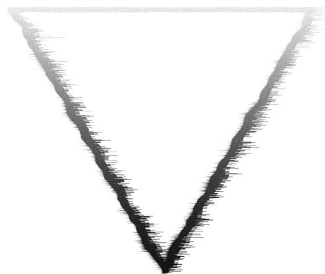

МАГИЧЕСКИЕ **РОМАНЫ**

ЦИКЛ
«НАГРАДА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА»

НАГРАДА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА. ШЕПОТ ВЕТРА
НАГРАДА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА. КРАСНЫЕ ПЕСКИ

Лена ОБУХОВА

НАГРАДА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА.
КРАСНЫЕ ПЕСКИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-26

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

Иллюстрация на обложке *Натальи Афанасьевой*

Обухова, Елена Александровна.

О-26 Награда для генерала. Красные пески / Лена Обухова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Магические романы Лены Обуховой).

ISBN 978-5-04-168412-9

Став наградой для генерала чужой армии, я ожидала насилия и унижений, но получила лишь доброе отношение и иллюзию свободы. В повседневной жизни генерал Шелтер по прозвищу Кровавый оказался приятен и мил, и мое сердце не устояло: я влюбилась в завоевателя. Сказка длилась недолго, хозяин и рабыня слишком по-разному видят счастливое будущее. Мы наговорили друг другу много горьких слов, и теперь Шелтер где-то далеко, Магистрат замер в ожидании новой войны, а мне нужно найти способ спасти себя, ведь вокруг генерала плетутся интриги, кто-то угрожает его жизни, и я, кажется, вот-вот попаду под раздачу. Шепот ветра указывает мне путь, но куда он ведет? Быть может, все происходит не случайно и кто-то управляет нами, передвигая как фигурки на шахматной доске?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168412-9

© Обухова Е., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Глава 1

После преждевременного отъезда генерала меня лихорадило еще неделю. В голове крутилась только одна мысль: я должна выбраться отсюда, сбежать. Куда угодно, лишь бы до того, как он вернется. Не знаю, чего я боялась. Того, что Шелтер вернется и исполнит свою угрозу? Да, это определенно пугало. Но терзало и то, что угроза окажется пустышкой, а мне будет стыдно смотреть Шелтеру в глаза. Ведь моих жестоких слов не вернуть и не исправить, генерал уехал с ними.

Еще я боялась, что он привезет с собой какую-нибудь другую девушку, которая окажется смелее и ласковее, и мне придется смотреть на них каждый день, как госпожа Холт была вынуждена смотреть на нас.

Но больше всего меня пугало, что он не вернется. Не потому, что моя судьба в таком случае снова станет туманна, ведь Магистр может и не удовлетворить его последнюю волю (если она действительно была изложена). Как жить, зная, что мужчина, в которого ты успела влюбиться, на прощание услышал от тебя лишь пожелание смерти? Впрочем, от этого ужаса меня не спас бы и побег: куда ни беги, а о гибели генерала Шелтера рано или поздно узнаешь.

Порой мне казалось, что навязчивый совет сбежать я слышу и в шепоте ветра. Но этот шепот был настолько тих, что я и сама понимала: это все игра моего воображения.

Следующие две недели я отчаянно искала варианты, стараясь вести себя как обычно и ни у кого не вызывать подозрений.

Моя жизнь за это время почти не изменилась. Разве что госпожа Холт теперь вела себя так, словно меня не существует. Впрочем, если она слышала что-то из нашей перепалки с генералом на террасе или он успел ей рассказать о ссоре перед отъездом, то ее поведение я вполне могла понять, учитывая отношение к Шелтеру.

В остальном все было по-прежнему: я помогала в саду господину Юнту, Галия позволяла мне экспериментировать на кухне и заодно обучала премудростям кулинарии, о которых я была не в курсе, с Марией мы порой болтали о всяких пустяках, а Глен продолжал доставать меня двусмысленными замечаниями и намеками. Впрочем, вскоре я окончательно убедилась в том, что он неприятный балабол, но на самом деле совершенно не опасен.

С дворецким мои отношения оставались ровными, а камердинер генерала и вовсе нас покинул, едва в его услугах перестали нуждаться. Как оказалось, он жил здесь только тогда, когда Шелтер приезжал в отпуск. В остальное время наведывался раз в неделю или две, чтобы проветрить гардероб и проверить, все ли в порядке.

Тревожил меня лишь господин Нейб. Он продолжал смотреть в мою сторону с недовольством каждый раз, когда мы пересекались. Порой ни с того ни с сего начинал расспрашивать об Оринграде и моей семье,

но всегда выглядел неудовлетворенным ответами, хотя я говорила чистую правду. Однажды даже спросил: хотела бы я вернуться домой? На что я честно ответила, что теперь уже нет. Я бы даже объяснила ему, почему так, но он только недобро прищурился и поковылял прочь.

Вариант возвращения домой я действительно больше не рассматривала. Одинаково противно было думать и о том, какое отношение ко мне будет после столь долгого отсутствия, и о том, что придется сделать, чтобы вернуть себе доброе имя. Нет уж, в Оринград я возвращаться не хотела. Даже ради могилы матери.

Бежать и прятаться на территории Варнайского Магистрата тоже не имело смысла: все равно рано или поздно найдут, а наказания для беглых рабов тут были суровыми.

Зато я узнала, что на северо-западе Магистрат граничит с Замбиром — крупным государством, которое еще пять лет назад остановило его расширение в своем направлении. Об этом мне как-то рассказала Галия: ее муж тоже служил в армии и погиб как раз в той кампании.

— Не покорился Замбир Варнаю, — со вздохом сказала она как-то, когда мы вместе попивали шоколад на ночь глядя. — Много наших полегло. Генерал Шелтер, тогда еще полковник Шелтер, тоже ранен был, но выкарабкался. Он вообще живучий, как говорят, но на то он и маг. В итоге пришлось отступить и заключить с Замбиром мир. Многие были недовольны Магистром, а еще больше недовольство вспыхнуло, когда он в новую драку ввязался, уже южнее. Но тогда все выгорело, и голоса недовольных стихли. А с Замбиром с тех пор у Варная отношения напряжен-

ные, туда порой сбегают те, кто вызвал недовольство Магистра, но успел унести ноги.

Едва Галия закончила рассказ, я подумала: раз Замбир принимает тех, кто скрывается от Магистра, то может принять и меня.

К тому времени я знала достаточно. Несколько раз сопровождала Галию, когда Мэл возил ее за покупками в ближайший городок, а потому начала ориентироваться в окрестностях. От камердинера генерала я знала, что он уезжает к дочери, которая потеряла мужа в одной из войн Магистрата, держит лавку и воспитывает троих детей. Когда в его услугах не нуждаются каждый день, он помогает ей. Живет она довольно далеко, но поезд довозит туда за два часа. От дома Шелтера до станции на повозке можно доехать за сорок минут, а вот идти пешком... Пешком идти можно весь день. Или всю ночь. Зато поезда везут до самой границы Магистрата.

План не был хорош. Я не знала, смогу ли пересечь границу. Разберусь ли в маршрутах поездов. Примут ли меня в Замбуре, дадут ли свободу или я просто сменю одно рабство на другое. А главное — смогу ли я вообще одолеть дорогу до станции, не собьюсь ли с пути, не упаду ли от усталости. Но что-то внутри велело бежать как можно дальше от этого места — и я не смела послушаться.

Требовалось срочно решить одну проблему: найти денег на поездку. После долгих колебаний я все же решила взять с собой подаренное Шелтером кольцо, оно наверняка пригодится. Но продать или заложить его я смогу не раньше Замбира. А для покупки билета на поезд требовались деньги. Да и билет мог понадобиться не один.

Помочь мне могла только Анна Кроули, если с ней все хорошо. Через пару дней я набралась смелости и спросила Нейба, могу ли написать письмо домой.

— Зачем? — холодно поинтересовался он в ответ.

— Узнать, все ли в порядке у моего отца, — выдала я заготовленную ложь. — Теперь, когда некому работать в нашем кафе, он наверняка нуждается. Я вела все хозяйство дома, откладывала деньги на дурной день. У меня не было возможности сказать ему, где они лежат. Я хотела бы убедиться, что он нашел их.

— Тебя только сейчас это взволновало? — делано удивился Нейб.

На самом деле меня этот вопрос совсем не волновал, потому что отец всегда контролировал доходы от работы шоколадницы и прекрасно знал, куда я складываю накопления. Я прятала только то, что откладывала на возможный отъезд, но там скопилось совсем мало: мне редко удавалось сэкономить на чем-то так, чтобы отец не узнал. Именно об этих деньгах я собиралась попросить госпожу Кроули: она могла достать их и переслать мне, и оставалось надеяться, что я смогу обменять их на местные.

— Я только сейчас решила попросить разрешения написать, — глядя в пол, соврала я, надеясь, что Нейб не настолько проницателен, как Шелтер.

Управляющий откинулся на спинку кресла (я потревожила его в рабочем кабинете), помолчал и неожиданно согласился:

— Хорошо, пиши. Только имей в виду, что я прочитаю письмо. И прочитаю ответ.

Мне с трудом удалось скрыть разочарование. Чтобы не вызывать лишних подозрений, письмо я все же написала, но денег, конечно, просить не стала. Просто написала Анне, где лежит припрятанное, и попросила

ее позаботиться об отце. По крайней мере, он будет знать, что я жива. Если, конечно, для него это все еще важно. Его едва ли обрадует новость о том, что я живу в доме варнайского офицера. Возможно, для него это будет хуже, чем известие о моей кончине. Он никогда не поверит, что я тут за цветами ухаживаю.

После провала задумки с письмом на меня снова навалилась апатия, руки опустились, и решимость бежать ослабла. Просить денег у кого-то в доме генерала я не осмелилась. Достаточно близка я была лишь с Галией и господином Юнтом, но они оба очень уважительно относились к Шелтеру, а потому едва ли станут помогать бежать его рабыне.

И я снова предпочла спрятаться в повседневной рутине. Как прежде находила причины не уезжать из Оринграда, так теперь убедила себя, что мне не бежать из дома генерала Шелтера. О котором я думала чуть чаще, чем постоянно. Даже во сне.

В тот день, примерно два месяца спустя после отъезда генерала, я снова думала о нем. О том, что скажу, когда снова увижу его. И о том, успею ли я что-то сказать. Даже пропальвание сорняков не спасало от постоянного мысленного диалога, который я с ним вела, пытаюсь предугадать его реакцию. Конечно, глупо было надеяться, что мне это удастся, но я просто не могла остановиться.

В какой-то момент мне стало не по себе. Кожа начала зудеть, как бывало, когда ее опалит солнце, но пик жары уже миновал. Нечто похожее я пару раз испытывала под взглядом Шелтера, поэтому торопливо вскинула голову, ища его глазами, однако нашла лишь управляющего. Он стоял далеко, на террасе, сложив ладони на ручке трости, но смотрел точно на меня. Пронзительно, неотрывно.

Порыв ветра, подхвативший мои волосы и бросивший их в лицо, принес тихий и шелестящий, но на этот раз очень внятный приказ. Всего два слова: «Беги отсюда».

Несмотря на то что ветер был теплым, а солнце хоть и стало мягким, но все еще усердно согревало землю, у меня мороз пробежал по коже. На несколько секунд наши с Нейбом взгляды встретились, после чего управляющий медленно развернулся и скрылся в доме. А я еще долго сидела, замерев в одной позе и глядя туда, где он только что стоял.

* * *

Такого не происходило никогда. Раньше ветер лишь утешал, обещая. Сегодня он впервые сказал, что нужно делать. К тому же сообщив, что мне нужно бежать, после паузы уточнил, что сделать это надо сегодня же, не оставаться в особняке на ночь. Я ничего не понимала, но меня охватил страх вперемешку с дурным предчувствием. Оба на два голоса орали в голове, что я сегодня же должна уйти. Пусть даже и в пустоту.

В пустоту идти не хотелось, поэтому пришлось вернуться к оставленному из-за отсутствия денег плану. Но отчаяние рождает в голове отчаянные мысли. И если мне негде было попросить денег, то оставалось только одно: взять их самой.

От одной мысли мне стало не по себе. «Не бери чужого» — одна из главных заповедей Тмара, а я собралась ее нарушить. Однако другого выхода я не видела, а потому убедила себя, что лишь возьму в долг. Пришлю Шелтеру деньги, как только они у меня появятся. Возможно, однажды даже смогу вер-

нуть подаренное кольцо, хотя взять с собой подарок — это не совсем воровство.

Еще неделю назад я впервые предложила Марии помощь в уборке дома. Мне давно казалось странным, что Юнту и Галии я помогаю регулярно, а ей ни разу даже не предлагала, хотя мы уже преодолели неловкий момент, когда она считала меня своей госпожой и даже перешли на «ты». Судя по тому, как ее вдохновило мое предложение, она и сама подумывала о творящейся несправедливости.

Проведя для меня краткий инструктаж, она объяснила, в каком порядке убирает комнаты в доме.

— Только, сама понимаешь, в комнаты генерала Шелтера и господина Нейба пустить тебя не могу, но здесь хватает гостевых спален и гостиных, где мы могли бы убираться вместе.

Тогда меня это вполне устроило: прикоснуться к вещам генерала как-то не хотелось. И уж тем более появляться там, где можно лишний раз повстречаться с Нейбом. Но Марии все равно пришлось показать, которые из комнат принадлежат хозяину дома и его управляющему, дабы я держалась от них подальше. И сейчас это было очень кстати.

Очнувшись от ступора, когда шепот окончательно стих, я извинилась перед Юнтом, невнятно пробормотав что-то о своей забывчивости. Мол, обещала помочь Марии с уборкой, но засиделась на солнышке. Старик, конечно, не стал меня задерживать.

Сегодня Мария не убиралась в комнате Шелтера, это я точно знала, а никому другому в отсутствие генерала заходить в его комнату в голову не придет. По крайней мере, я на это очень надеялась, но на всякий случай взяла с собой все необходимое для уборки, чтобы хоть как-то объяснить свое присутствие там.

Оказавшись на пороге личной комнаты генерала Шелтера, я ощутила почти такое же волнение, как в тот раз, когда он впервые взял меня на руки. Было так же страшно и так же любопытно. Я в последний раз бросила взгляд на пустой коридор, оставшийся позади, и скользнула внутрь, надежно закрыв за собой дверь. Сердце испуганно колотилось в груди, его стук отдавался в ушах, но я постоянно напоминала себе, что все продумала, а значит, волноваться не о чем. Кроме странного приказа ветра, который не сулил мне ничего хорошего, если я останусь в доме.

Комната генерала была подозрительно похожа на мою, что на самом деле было не так уж удивительно: она находилась точно над ней, в том же углу, но на третьем этаже, а потому была такого же размера и формы. Те же два окна и глухой темный угол, в котором стояла кровать. Интерьер тоже был выдержан в похожем стиле. Пожалуй, основное отличие состояло в том, что книги на полках не перемежались вазочками с цветами и статуэтками. Для них просто не оставалось места. Да письменный стол выглядел куда более часто используемым. Сейчас на нем, конечно, царил абсолютный порядок, но все равно на поверхности лежали письменные принадлежности, стопка писчей бумаги, какая-то толстая книга в кожаном переплете.

С изогнутой настольной лампы на металлической цепочке свисал плоский, начищенный до блеска, но заметно погнутый медальон в виде тонкой пластины со скругленными краями. Почему-то именно он первым привлек мое внимание. Я не сразу вспомнила, где уже видела такое, а когда вспомнила, произвольно поежилась. После нападения по пути в Сиран капитан Моран снимал такие медальоны с погибших

солдат, пока им рыли могилы. Значит, у офицеров тоже такие есть? Хотя если бы этот принадлежал Шелтеру, то он, наверное, был бы на нем?

Я подошла ближе и коснулась пальцами холодного метала. Не снимая с лампы, повернула так, чтобы прочитать выбитые символы, но лишь разочарованно вздохнула. Я ожидала увидеть на жетоне имя, но тут стояли только цифры и черточки.

Может быть, медальон принадлежал какому-то важному для генерала человеку? Но кто бы это мог быть? Друг? Брат? Или это все-таки его медальон, но, например, старый? Интересно, мог ли генерал когда-то быть рядовым? И потом сменить солдатский номер на офицерский? Было ужасно любопытно и становилось очень грустно от мысли, что мне уже не расспросить Шелтера, удобно устроившись на ступеньках террасы с бокалом вина и провожая взглядом садящееся за горизонт солнце.

Я отпустила пластину, напомним себе, что медлить и задерживаться в комнате хозяина дома не стоит: это повышает риск быть пойманной. Нужно поскорее найти немного денег и убраться отсюда.

Дернув на себя первый же ящик стола, я едва не застонала от досады: он оказался заперт. Если в этой комнате и лежат деньги, то в нем. И все же я принялась осматривать остальные пять в надежде найти хотя бы какую-то незначительную мелочь.

Дойдя до среднего ящика с другой стороны стола, снова замерла, недоуменно глядя на его содержимое. Здесь лежали какие-то связки писем, но не они привлекли мое внимание. А игрушка. По крайней мере, сначала мне показалось, что это игрушка: пестрая, хоть и поблекшая от времени птичка. Чтобы убедиться в реальности предмета, я коснулась кончика-

ми пальцев шершавых боков: птичка была сделала из глины. Я достала ее и покрутила в руках.

Вещица была старой и простой. Не лишенной изящества, но едва ли дорогой. При ближайшем рассмотрении под хвостом обнаружилась маленькая трубка, а на тельце — три отверстия. Повинуясь секундному порыву, я поднесла трубку к губам и дунула в нее. Из широко раскрытого клюва вырвался смутно знакомый звук. Да, я слышала нечто подобное уже пару раз и назвала «пением ветра в трубах». Так вот на чем были сыграны те мелодии! Неужели их играл Шелтер? На этой нелепой птичке?

Сложно было представить генерала, играющего на таком странном инструменте, но если он делал это, сидя у открытого окна, то я вполне могла слышать мелодию в своей комнате.

Сразу вспомнилось, как я слушала «пение ветра» в вечер после нашей поездки по окрестностям имения. Тогда мне казалось, что призрачная мелодия звучит для меня. Возможно ли, что так и было?

Но если так, то именно в тот день все было правдой. Не мог Шелтер знать, что я слушаю. Как не имело для него смысла играть, соблазняя меня, если я даже не знала, что играл он. Он играл для себя, просто то, что он чувствовал в тот момент, оказалось созвучно моим ощущениям.

На мгновение это поколебало мою уверенность. Ведь если сбегу и доберусь до Замбира, то больше его никогда не увижу, никогда с ним не поговорю. Не смогу извиниться за брошенные на эмоциях слова. Не услышу его объяснений. Никогда больше не окажусь в его объятиях и не смогу обнять сама. Это будет навсегда.